

Ростислав Ильин

"...в конечном счете я буду оправдан..."

Томскому прокурору

от Ильина Ростислава Сергеевича,
старшего геолога ЗСРГУ, доцента
Сиб. Геол.-Разв. Института, преподавателя биофака ТГУ

Вам переслано заявление, предъявленное мне ст. уполномоченным СОТО ОГПУ Тарасовым: обвинение по ст. 58 п. 10 и 11. Там говорится, что я человек антисоветских настроений, с.-р., вел агитацию, что я входил в антисоветские группировки, поддерживал материально антисоветские элементы и т.п. — точно я не помню. Все это либо вовсе не соответствует действительности и основано на непроверенных фантастических агентурных информациях, либо представляет собой придирки к извращенным и раздутым мелочным фактам моей жизни; никакого конкретного материала на допросах мне предъявлено не было, — очевидно, за отсутствием его, помимо особо секретных материалов. Я являюсь ученым, работающим в широкой области естествознания, охватывающей геологию, почвоведение, и географию, затрагивающей геохимию, метеорологию, фитогеографию, археологию и ряд других дисциплин, мои труды встречают высокую оценку в высших научных учреждениях СССР (документ при моем деле в ОГПУ), так и за границей, предъявление мне обвинения имеет общественное значение, ибо моей

биографией ученые круги интересуются при моей жизни, а поэтому опасно присоединять к ней документы, выставяющие в очень дурном свете работу следственных органов ОГПУ. Реальная часть обвинения построена на искажении мелочей, совершенно несущественных — они забудутся как прошлогодний снег, формулировкам обвинения не поверят знающие меня люди, останутся же мои печатные научные труды, открывавшие новую эру в изучении географии, почвоведения и послетретичной геологии Сибири, не говоря уже о большем. Важно то, что я в Сибирь пришел в ссылку, на другой день после освобождения по указанию ТОГУ по Сибири получил службу и в течение 4 лет и 10 дней неустанно вел не только текущую работу в учреждениях, но и сверх плана писал свои научные труды, направленные к познанию богатств земли как Сибири, так и по всему Советскому Союзу и всего земного шара. А совершенно несущественно, кому из безденежных ссыльных, без различия категории преступления, я оказывал гостеприимство и кому давал деньги (когда у меня бывали деньги, я их давал разным лицам, — всем известно, что я жаден только на работу, а не на деньги), и по меньшей мере нелепо объединять меня в группировки с людьми, знакомство с которыми я получил в тюрьме и ссылке, и с которыми последнее время я, живя в одном городе, почти не встречался. Я допускаю, что у органов ОГПУ могут быть иные основания ставить вопрос о моем удалении из Томска, но для этого не надо придирааться к мелочам, искажая их смысл, а нужно подвергнуть серьезному рассмотрению вопрос, как он есть. Дело в том, что я человек, имеющий определенное прошлое, и по отбытии ссылки находящийся в Томске в порядке ограничения в выборе места жительства с прикреплением к нему на три года, с осени 1930 года приступил к пре-

преподаванию в двух вузах Томска, — в Сиб. Геол.- Разв. Институте (быв. Горн. фак. Сиб. Техн. Института) и на биофаке Т. Гос. Университета; я стал известным человеком в Томске (не нужный и излишний интерес к моей личности усилился после чистки Сов. аппарата в ЗСРГРУ, где мне предложили изложить мою автобиографию и основные из выдвигаемых мною научных положений, что я и сделал в самой общей форме, отведав некоторые политические вопросы, не подлежащие оглашению в большом собрании) — до тех пор меня не знали.

Но во всем этом не было моей инициативы. Преподавание мне было предложено по той причине, что иначе все равно ко мне приходили, направляемые коммунистами, работниками вузов (проф. В.В.Реввердатто, А.М.Кузьминым), студенты с просьбой прочесть им частный курс или сделать доклад; помимо этого ко мне постоянно обращались за консультацией и научные работники по всем близким мне дисциплинам, я неоднократно вел экскурсии в окрестностях Томска.

Ясно, что от кустарного производства и от частной практики надо было переходить к преподаванию в вузах. Я принял предложение после того, как узнал, что мое приглашение в СГРИ согласовано с вышестоящими политическими органами, и откликнулся заявлением на объявление о конкурсе на кафедру почвоведения в ТГУ. Я знал, что, несмотря на согласование, мое преподавание все же при неблагоприятных обстоятельствах может для меня повлечь неприятности по линии ОГПУ, ибо, излагая геологический цикл, мне приходится касаться своих открытий, имеющих кроме огромного практического и натурфилософского значения, а известная настроенность к новым теориям в наше время вполне понятна. Но я уверен, что эта настроенность отпала бы, если

бы я успел сделать доклад, предложенный мне Томским отделени-
 ем воинствующих марксистов=диалектиков, подобные доклады я
 уже неоднократно делал. Я не жалею о своем согласии препода-
 вать, ибо, не прорабатывая своих новых научных достижений со
 слушателями, я недостаточно ясно излагал их в своих печатных
 работах, а моя прямая обязанность — готовить себе смену, ибо
 иначе я всегда буду оставаться своего рода колдуном и знаха-
 рем, монополистом своих методов, без которых затруднено про-
 стое разрешение актуальных проблем, над которыми я всегда ус-
 пешно практически работал, ибо я не умею отделять чистую на-
 уку от повседневной практики. Томскому отделу ОГПУ известно,
 как чутко я всегда реагировал на всякие ненормальности в ра-
 боте учреждений, чуть только появлялась какая-либо тень. В
 моем присутствии вредительство невозможно потому, что я рабо-
 таю до тех пор, пока дело идет в соответствии с требованиями
 науки и техники, а в случае уклонения от них я сразу заявляю
 решительный протест; будучи сильным, я не имел иного способа
 протеста, как подача ультимативных заявлений об уходе и о пе-
 реходе на положение простого сильного в Нарымский край из
 Томска, ибо всегда знал, что высшие органы верно оценивают
 мою работу и всегда мне ее предоставляют; такие заявления мне
 приходилось ежегодно подавать во время трех лет моей ссылки.
 Мой жизненный опыт отнюдь не разочаровал меня в том, что всегда
 найдутся авторитетные представители власти, которые, хотя и с
 запозданием, но изменяют принятые в отношении меня несправед-
 ливые решения. А если на этот раз мне не избежать сидения в
 тюрьме, то в настоящее время я обладаю столькими актуальными
 темами, что я, поскольку позволяют условия и здоровье, не про-
 веду этого времени без пользы и дам рукописи, для которых у

ОГИЗА всегда найдется бумага; моя научная работа, давшая мне известность среди работников в этой области, была написана в Челябинске в политизоляторе. Поэтому меня можно голословно обвинять в чем угодно, но одного положения никто еще не ~~использовал~~ ~~ни~~ брался оспаривать, — что мой безупречный стаж советского специалиста не прерывался за время моего пребывания в тюрьмах; он не прервется и в будущем — было бы здоровье и силы. В какую бы часть нашего великого Союза меня ни усадили, везде найду актуальную тему для своих научных работ, еще более расширю свой кругозор и получу материал для решения вопросов мирового масштаба. Когда в 1925 году меня увезли из Москвы и оторвали от большого геохимического лабораторного исследования, то я думал, что вместе с гибелью погибло и дело моей жизни; но в Нарымском крае, находящемся в среднем течении крупнейшей реки самого большого из материков на нашей планете, в центре равнин умеренного пояса, я получил объект исследования, давший мне возможность делать построения мирового масштаба, и своими работами я сумел доказать, что многие построения западно-европейских ученых отдают провинциализмом, ибо науку о земле надо строить не на основании изучения окраин материка, не с его атлантических, балтийских, средиземноморских побережий и не с Альп, а с его центра. Быть может, в моем последнем аресте есть свой смысл, — привезли меня в Сибирь этапным порядком, четыре года я в ней проработал столь успешно, что не подлежит сомнению тот факт, что в области изучения послетретичной геологии Зап. Сибирь не только догнала Европу и Америку, но и перегнала их (см. в деле отзыв Академии Наук СССР), и тем же порядком поведут дальше. Я лично от этого мало что потеряю (прежде всего, часть здоровья, нужного и науке СССР), а что я вы-

играю, ~~и~~ то против этого спорить нельзя, были бы только силы и здоровье для работы. А Зап. Сибирь потеряет многое. Дело в том, что я всегда стремился работать на актуальные темы дня, и поэтому в порядке встречного compromise добился получения задания по малым полезным ископаемым Кузнецкого каменноугольного бассейна. Достаточно известны утверждения всех научных изданий о крайней прихотливости форм залегания пластов кузнецких углей, что поэтому они требуют сложной дорогой разведки при помощи частой сети буровых скважин. Я же, как только взялся за эту литературу, сразу увидел, что все учение о происхождении кузнецких углей построено по европейским учебникам, а поэтому неверно, ибо угли создавались не в теплом климате, а в холодном, что их природа не лагунная или эзерная, а прежде всего террасовая и т.д. Когда я сообщил свой взгляд некоторым геологам, то встретил с их стороны живейший интерес, ибо для них стали проясняться, прежде всего, нелепые факты. Я всегда с избытком перевыполнял порученные мне задания и изучил бы генезис не только малых полезных ископаемых Кузбасса, но и самого большого — угля.

Впервые я здесь коснулся бы геологии палеозоя и мезозоя, но дело в том, что мне удалось заново построить геологическое ~~сег~~сегдняшнего дня, — почвоведение, — и на основании геологических циклов послетретичного времени создать единство, хотя, конечно, еще не совершенное, но единственное, учение о диалектически замкнутых больших и малых геологических циклах, в свете которого просто решаются запутанные геологические вопросы. Я неоднократно заявлял, что мои знания всегда будут нужны для построения социализма. Если меня увезут из Томска, то пострадает проблема Кузбасса, ибо современная дорогая разведка его углей по-прежнему

будет отставать от требований промышленности и все время будут колебаться даваемые геологами цифры запасов то в сторону их преувеличения, то преуменьшения. Кузбасса мы в должной мере как следует не знаем, — это факт, — его природа совершенно иная, нежели Донбасса и других месторождений. А я, несмотря на все свои успехи, еще не успел подготовить смены, не успел довести до конца даже тех курсов, которые читал в этом году, не успел полностью передать даже сути учения о террасах, а моя большая работа в Академии Наук СССР, в настоящее время уже требующая новых дополнений, еще не вышла из печати. Меня в должной мере еще не знают и научные круги, а если судить по ст.уп. СО Тарасову, то в органах ОГПУ обо мне существует совершенно превращенное представление. Но, конечно, одним Тарасовым ОГПУ не исчерпывается, и потому я Вас прошу указать начальнику ТО ОГПУ на необходимость взять мое дело у него, ибо он ведет его как агент угрозыска уездного масштаба, ничего более в жизни не видавший, и передавать его другому уполномоченному, который не будет писать неравдоподобных обвинений и не подыдет с трафаретами и чужими мерками к человеку, который ломает в мировой науке гипотезы и ниспровергает поддерживающие их авторитеты и у которого в жизни есть одно дело — искание научной истины, неотделимой от требований практической жизни.

Налагаемые на меня наказания в конечном счете нужны только врагам Советской власти, которые столь же мало понимая в моей биографии, как и гр-н Тарасов, — будут говорить, — смотрите, вот мол, как он страдал в Сибири и т.п. — в то время как я все время работал, получая нравственное удовлетворение, да и всегда буду вспоминать Сибирь с благодарностью, равно как и она меня не забудет. Я и всегда заявлял, что подлинная естествен-

но-научная мысль фактически существует прежде всего в СССР, и что я лично, несмотря на ряд несправедливостей и неприятностей, в своих научных исследованиях встречал у представителей власти ту или иную поддержку во всех условиях, даже в Челябинском издательстве, когда некоторым лицам не удалось задержать моих научных работ больше, чем на год. Эти факты прошлого помогают мне переносить временные невзгоды и внушают уверенность, что в конечном счете я буду оправдан как полезный гражданин Советского Союза.

Р.Ильин

Только не зная меня, обвинение меня в агитации совсем нелепо, тогда как у меня не было времени не только говорить, но и думать о политике, — я в газетах читал только академические новости и известия. Без смеха нельзя вспоминать обвинение, предъявленное директору Тавжской Научно-опытной станции В.А.Мантейфелю, человеку, всю жизнь далекому от политики, чтобы он, имея 46 лет от-роду, вдруг распропагандировался и ездил на политические совещания ко мне. Неправдоподобие этой версии переходит все границы, — никто из знающих В.А.Мантейфеля этому никогда не поверит. ~~Машин~~ Ну и нашли, кого притянуть!

Витольд Славнин

Об авторе письма Тэмскому прокурору

Письмо это относится к марту 1931 года, когда Р.С.Ильин был арестован в очередной раз и вскоре выпущен по ходатайству тэмских геологов. В 1966 году оно было подарено вдовой его автора Верой Валентиновной Ильиной тэмскому геологу Донату Порфирьевичу Славнину, ученику Ростислава Сергеевича.

Р.С.Ильин (родился 16 апреля 1891 г.) — внук подмосковного

крестьянина — один из тех, кто составляет гордость отечественной науки. Почвовед, геолог, геоморфолог, ученик и последователь А.Л.Павлова^{**}) и В.И.Вернадского, он был еще и оригинальным мыслителем — основателем нового направления в палеогеографии Сибири, создателем качественно новой концепции истории Земли. Ростислав Сергеевич — блестящий теоретик и практик — был настоящим российским интеллигентом. Великолепно знал и любил поэзию (Тютчев и Лермонтов, Блок и Клавей), был знаком с русскими философами-космистами — Н.Ф.Федоровым, П.А.Флоренским, использовал их мысли в своих научных построениях.

До революции, студентом, Ильин примыкал к фракции "эсеро-культурников", что и послужило поводом для репрессий (в 1916, 1921, 1926, 1931, 1937 годах), хотя в октябре 1917 г. он вышел из партии и целиком ушел в науку и практику^{***}).

В 1927 году Ростислав Сергеевич оказался в Сибири. Челябинская тюрьма была заменена ссылкой в Нарымский край, затем в Томск: заступился В.И.Вернадский. Здесь Ильин — сначала в одиночку, потом при поддержке томских геологов М.А.Усова, В.А.Хвостова, М.И.Кучина, Л.М.Шорехова и других — обследовал громадные территории бассейна Средней и Нижней Оби; написал подавляющее большинство из 103 своих работ. В одной из них (1932 г.) впервые обосновывалась нефтеносность Сургутского Приобья, Западной Сибири вообще. Ростислав Сергеевич сотрудничал в Томском краевом музее, преподавал в университете и технологичес-

^{**}) Павлов Алексей Петрович (1854—1929) — советский геолог, академик АН СССР.

^{***}) По мнению Томского горотдела НКВД Р.С.Ильин в 1917 году состоял в Московском губкоме партии социалистов-революционеров, за что и арестовывался органами ВЧК. Этот факт "усугублял вину" ученого (прим. редактора).

кошм институте. В 1931 году — запрет преподавания, очередной арест, ссылка. Однако Ильин оставался научным консультантом Западно-Сибирского геологоразведочного треста, с согласия томских ученых работал со студентами — почвоведцами и геологами. В 1934 году Ростислав Сергеевич завязал дружеские отношения с Н.А.Клюевым, по достоинству оценившим ум, обаяние, богатый внутренний мир геолога. Проз^{*)} часто гостил у него в доме на улице Бульварной, 34 (ныне просп. Кирова, 38). Дом уцелел. Отсюда, в ночь на 12 июня 1937 года, Р.С.Ильин и отправился в свой последний крестный путь. "Десять лет без права переписки" — и след его затерялся навеки^{**)}.

О последних днях жизни Ростислава Сергеевича сохранились записки ~~или~~ В.В.Ильиной.

"Прокатились слухи об арестах. У нас все шло обычным порядком. Слава, в сущности, никогда в жизни не отдыхал. Единственный отдых, который он признавал, это смена уместившего труда физическим. Мы поселились в Заварзине в каморке одного старика. Слава готовился к экспедиции. Приходил к нам на выходные дни. Волна арестов захлестнула Томск. Один день арестовывали бухгалтеров, на другой день — работников какого-нибудь предприятия, учебного заведения и т.д. Пятого июня Слава задержался. Я пошла его встречать. Встретились за Куташевым.

— Я думала, что тебя уже арестовали!

— Это было бы слишком глупо: у меня ключи от недр Западной

^{*)} См. стр. — .

^{**)} Р.С.Ильин был арестован 12 июня 1937 года, обвинен по ст. 58-8-10-11 УК РСФСР как "активный участник подпольной контрреволюционной террористической организации эсеров", осужден "тройкой" к высшей мере наказания, расстрелян в Томске 11.09.37 г. Дело пересмотрено Военным трибуналом СибВО 25.05.56 г., Р.С.Ильин полностью реабилитирован (прим. редактора).

Сибири. Это было бы то же, что арестовать Вернадского.

Меня это не убедило, но спорить не стала. Еще зимой мы отмечали, что прошло уже шесть лет вместо традиционных пяти между арестами: 1916, 1921, 1926, 1931. Мы решили, что в следующий выходной, 12 июня — день смерти Сергуни — я схожу в Томск. Мы вместе побываем на могилке и вернемся в Заварзинэ. Я его провздила до Куташова. Так не хотелось расставаться, идти одной домой...

Вою! Это были последние секунды. Я больше его никогда в жизни не видела. Мне хотелось пойти к нему в одиннадцать вечера, но задержалась с посадкой помидор до темна. Пошла рано утром. На дворе дома мне сообщили, что его арестовали еще ночью. Дома я увидела, что чекисты захватили с собой все его письма от Вернадского, Вологодина и мои. Я убрала комнаты. Снова ворвались чекисты, забрали все иностранные книги, клеветские стихи. Я заметила, что они оставили тамтики Бэка, вечно сопровождавшие его в тюрьму.

Я вообще плакала редко. Стала плакать из-за какого пустяка. Внезапно это прошло. Позднее мне сообщили, что Слава объявил голодовку. Именно в тот день, когда я успокоилась, он прекратил ее. Он требовал, чтобы ему сообщили причину ареста. Через одиннадцать дней к нему вызвали прокурора. Когда я об этом узнала через знакомых, Слава поправлялся в больнице. Это было последним достоверным известием о нем. в Москве его матери сказали, что Слава присужден тройкой к десяти годам без права переписки".